

Драко

Улыбка без кота

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал Труляля. – Но это не так! Ни в коем разе.

– И задом наперед, совсем наоборот! – подхватил Траляля. – Если бы это было так, это бы еще ничего, а если бы ничего, оно бы так и было, но так как это не так, то оно и не эдак.

Такова логика вещей!

(Л. Кэрролл)

44A-8AF01B5 еще не проецировалась в этот кластер. Регистральный привкус здесь отдавал янтарем, а подобной отдачи 44A-8AF01B5 не ощущала слишком давно. Ей даже пришлось сконденсировать 32 сенсора в едином регистре, чтобы более полно отсканировать янтарный привкус.

44A-8AF01B5 была опытной извращенкой с громадной базой данных. Пожалуй, в пространстве 44A не было равных ей специалистов. И все же сейчас она чувствовала нестабильность.

Записи в ее базе утверждали: янтарная регистральность свойственна лишь недавно подключившимся разумам, с характеристиками не выше 00A. Ощутить присутствие столь юных созданий в пространстве 44A было решительно невозможно. Следовательно, в пределах зоны сканирования располагалась дыра. Дыра, пронзавшая как минимум 440h адресных пространств!

Несколько пикотактов 44A-8AF01B5 ощущала эмоциональную нестабильность 8D «ужас». Но она была высококлассной извращенкой и быстро сконденсировалась. Ситуация требовала немедленного вмешательства.

Будучи осторожной и опытной, прежде чем нырнуть в дыру, 44A-8AF01B5 связалась с ближайшим Оператором и сделала резервную копию себя. Оператор пожелал смелой девушке удачного извращения.

Но сама 44A-8AF01B5 оценивала шансы на выживание текущей копии между 0

и 0F.

#1h

Гниющая туша звезды тлела в небе, будто раздутое, маслянистое брюхо вселенского паука. В зловещем пурпурном свете, от горизонта до горизонта, покрытая пеплом, тянулась каменистая пустошь.

Из земли, там и тут, ребрами мертвых чудовищ торчали остовы небоскребов. Их резкие тени придавали пейзажу еще более угрюмый вид. Здесь был воздух -затхлый, пропитанный смертью, но для дыхания пока пригодный. Кроме воздуха в этом мире не осталось ничего.

Вероятно, первым звуком, нарушившим многолетнее безмолвие, было тихое шипение респиратора. Эйнар стоял на осколке бетонной плиты, высоко вздымавшейся над равниной.

Он не верил. Все стало ясно еще на орбите, задолго до посадки, но даже спустя месяц, всей кожей ощущая дыхание мертвой планеты, покрытый ее прахом – он не верил. Что значат девяносто шесть лет в сравнении с пятью миллиардами? Как может колесо истории, упрямо вращавшееся целые эпохи, сгореть в нелепой вспышке? Девяносто шесть лет назад здесь бурлила жизнь, единственная найденная людьми цивилизация! Шесть веков поисков, десять тысячелетий надежды – чтобы опоздать на девяносто шесть лет?!

У Эйнара мутилось в глазах. Так не бывает. Просто не бывает. Планета не может погибнуть целиком, это же не какой-то паршивый остров, громадная планета! В горах, или на полюсах... В океанах... Не могла жизнь исчезнуть без следов, не могла, это нонсенс!

– Капитан, – голос в наушниках заставил его вздрогнуть. – Как вы?

Эйнар обернулся к вездеходу. Сквозь прозрачный металл кабины был хорошо виден пилот, в его глазах отражалось отчаяние. Эйнар и сам выглядел не лучше.

– Все в порядке, – он с трудом узнал свой голос. – Все в порядке, Женя. Просто

детекторы молчат.

– Совсем? – тихо спросил пилот.

– Совсем. В радиусе ста километров жизни нет.

– А может что-то влиять на приборы? Ухудшать чувствительность...

Эйнар с болью покачал головой. Женя сглотнул.

– Но должны же остаться хоть крысы! Черви, пауки... Растения, наконец!

– Прошло слишком много времени.

Сложив антенну детектора, капитан Эйнар Торборг забросил рюкзак с аппаратурой за спину и направился к вездеходу. Еще неделя, и придется отозвать поисковые команды. Придется поверить. Но пока он еще надеялся на чудо.

Женя ничего не сказал, когда, пройдя обеззараживание, Эйнар выбрался из шлюза и сел в кресло второго пилота рядом с ним. Лишь молча развернул вездеход. Всю обратную дорогу до корабля они молчали, стараясь не встречаться взглядами.

Уже недалеко от лагеря, проезжая мимо разбитого автобуса, капитан заметил четверых детей, приветливо махавших ему руками. Он машинально помахал в ответ, но останавливать вездеход не стал.

Эйнару было больно смотреть в глаза малышей. Куда он их привел? Зачем послушался психологов? На экране смотрелось отлично – встретить братьев по разуму целыми семьями, показать им наших детишек, посмотреть их малышей... Могли бы и предвидеть... Хотя нет, не могли. Кто мог предвидеть ТАКОЕ?

Эйнар провел в космосе уже сорок лет и побывал во всяких переделках, но в более тяжелой экспедиции еще не участвовал. Гнетущее чувство потери грызло всех изнутри, обреченность висела над его командой, будто ядовитое облако. Едва ли хоть кому-то из других капитанов доставалась такая ноша. Эйнар и сам находился на грани срыва, попробуйте сохранять присутствие духа в гробнице размером с планету.

У звездолета был раскинут большой прозрачный купол, воздух под которым проходил сквозь фильтры. Никакой нужды в этом не было – ни в куполе, ни в фильтрах; но за десять лет полета внутренние помещения корабля так всем осточертели, что пришлось возвести этот импровизированный «санаторий». Жили там посменно, каждому доставалось около сорока часов «свободы» в неделю. Сейчас, подъезжая на вездеходе к куполу, капитан – не веря своим глазам – заметил сквозь прозрачную ткань,

что внутри идет драка.

– Что за черт?! – Женя, резко ударив по тормозам, остановил вездеход рядом с куполом. Эйнар схватил микрофон:

– Прекратить! Немедленно!

Дерущиеся – их было пять или шесть – при звуке его голоса словно опомнились. Нервно поглядывая друг на друга и на вездеход, они разбрелись по углам главного зала, где все обычно обедали.

– Оставь машину в ангаре и иди отдыхать, – приказал Эйнар. – Мне тут предстоит долгий разговор.

– Да, капитан, – Женя покачал головой. – Совсем озверел народ...

– Люди устали, на них действует обстановка, – Эйнар стиснул зубы. – Она на всех действует.

Женя поднял глаза.

– Капитан, сколько еще? Когда мы стартуем домой?

Эйнар долго, молча, смотрел на пилота, пока тот первым не отвел взгляд. Хрипло вздохнув, капитан вошел в шлюзовую камеру и задраил за собой люк.

#2h

Записка лежала на самом видном месте. Маленький, бледно–зелёный листок из пористого пластика, долго сохраняющего запах. Несколько секунд я пытался уверить себя, что ласковые лучи солнца, утренняя зарядка, купание и вкусный завтрак были лишь ярким сном, который скоро закончится, испарившись навсегда вместе с этой запиской.

Но я не спал. А мечты редко сбываются наяву.

Ничего нового в записке не оказалось; Глен'рт сообщала, что больше не может жить со мной и жалеет о времени, потраченном нами друг на друга. Юность бывает лишь раз, не обижайся, и так далее, последнее время всё шло к этому.

Я остался один.

Первая половина дня пролетела как в тумане. Звонил отец Глен, спрашивал о причине разрыва. Я показал ему записку. Спустя час позвонила моя мать, она уже всё знала и хотела утешить. После её звонка я отключил терминал.

Один. За хвостом треть юности, а я остался один. Мы с Глен прожили вместе два года, но она так и не отложила яйца, всё время находя отговорки. Видимо, Глен просто не хотела детей от меня. И зачем утешаться самообманом? От меня никто не хочет детей. Восемь лет прошло после смены чешуи, прежде чем мне удалось создать некое подобие семьи с Глен, восемь лет! Вдвое больше, чем потребовалось самому неудачливому юнту моего поколения...

Чтобы хоть немного развеяться, я поднялся на крышу логова; погода сегодня была изумительной. Постоял у перил, в лучах жаркого солнца. Далеко внизу, у подножья утёса, где я жил, беззвучно плескались океанские волны. Свежий ветерок шелестел в кронах декоративных деревьев.

На миг мне страшно, до зубовного скрежета захотелось расправить бесполезные крылья и прыгнуть в пропасть, надеясь, что чудо произойдёт и небо примет меня в свои объятия. Только чудес не бывает. Эту простую и беспощадную истину жизнь выжгла во мне раскалённым вольфрамом. Даже при самом благоприятном стечении обстоятельств, я был обречён жить юнтом ещё около двадцати лет, прежде чем последняя смена чешуи подарит мне небо и лишит права на семью.

Треть юности за хвостом...

Я посмотрел вверх. Безоблачный небосвод украшало лишь сверкающее ожерелье Энергопояса. Я невольно скрипнул зубами, вспомнив свою попытку записаться в группу Астро.

В космосе юнты никому не нужны. Ведь у нас одна– единственная функция – размножаться, размножаться, размножаться, поддерживать род. Эта планета отдана нам целиком, от стратосферы до океанских глубин. Мир развлечений. Рай, созданный для детей. Вселенная, лишённая опасности и боли, надёжно огражденная, чистая, красивая. Здесь нет даже биоферм, пищу завозят корабли, хотя на случай опасности всегда готовы резервные протеиновые фабрики...

Другие корабли, могучие, непобедимые, парят на орбите, ошестинившись самым смертоносным из существующего оружия. Охраняют. Ещё бы... «Юность бывает лишь

раз», говорят взрослые. За два с лишним века космических полетов никто ещё не встретил братьев по разуму, не говоря уж о врагах, но традиции соблюдаются свято. Раньше, я читал, юнгов держали в подземных бункерах, охраняя так, словно весь окружающий мир желал им смерти. Что ж, в бункерах, наверно, жилось лучше, чем здесь; там не было неба.

Проклятого, беспощадного, ненавистного неба, смеющегося над нашими крыльями!

«А может, закрыть глаза?» – родилась мысль. – «Лучше один раз забыть о гордости, чем всю жизнь помнить о позоре...»

Уж что– что, а забыть о позоре мне не дадут. Никогда. Раньше, в детстве, я вместе с другими детьми недоуменно загибал хвост, читая об атрагах. В разуме не укладывалось, как может могучий, мудрый взрослый добровольно оборвать свою бессмертную жизнь.

Сейчас я только криво улыбнулся. А стоит ли ждать два года? Все равно никто не согласится создать со мной пару. Это будет, пожалуй, даже справедливо; нечего всяким мутантам с черной чешуей портить генофонд. Если бы Глен отложила яйца, дети могли бы пойти в меня...

Я посмотрел вниз. Далеко– далеко. И камни, острые, холодные камни у подножия утеса. Вряд ли я успею ощутить удар... Хотя, кто знает, мои недоразвитые крылья могут рефлекторно расправиться в падении. Тогда смерть наступит не сразу, придется помучаться. А медицинские спутники, отслеживающие несчастные случаи на всей поверхности планеты, немедленно направят к моему телу спасателей. Если к моменту их прибытия я буду ещё жив, меня отнесут на станцию генного контроля.

Там меня вылечат, да. Быстро поставят на ноги. Заодно стерилизуют и подправят характер, чтобы не устраивал таких фокусов в будущем. Нет, надо подыскать другой способ.

Некоторое время я размышлял над вопросом. Как ни странно, он оказался не слишком-то прост. Нашу планету тщательно освободили от всех опасностей, здесь не было трансмиттеров энергии, способных мгновенно и безболезненно сжечь любое тело в активной зоне, не было наземных дорог, все летающие машины умели перехватывать управление, предотвращая аварии. В каждом логове, даже моём, стояли

датчики, следившие за здоровьем обитателей и в случае опасности немедленно вызывавшие спрятанных под полом роботов– врачей. Медицинские спутники могли прямо с орбиты дезинфицировать открытые раны и останавливать кровотечения, в каждом спутнике имелось несколько зондов, способных за считанные секунды пробить атмосферу, накрыть место трагедии непроницаемым защитным экраном и оказать первую помощь. Гравитационные пульсаторы не позволят мне даже утопиться, при попытке это сделать спутники поднимут маленькую локальную бурю, и тело Таната, черного атрага, будут молотить волны, пока скоростные катера спасателей не окажутся рядом...

Нет, смерть не выход. Это бегство от выхода. Мне надо жить, надо доказать всем, что даже Танат'ча, вопреки судьбе, может найти себе место. Пусть не под ласковым солнцем родины, но хоть где-то! Я дождусь смены чешуи, стану взрослым и улечу в дальний космос. Один, в маленькой яхте. Буду лететь, если потребуется, много веков, пока не встречу братьев по разуму. И тогда я вернусь – вопреки судьбе. И посмотрю в глаза тем, кто сейчас стыдливо от меня отворачивается.

Или... Стоп. Есть идея получше.

Номер еще хранился в памяти фона. Я долго ждал, пока включится экран, наконец там появилось лицо совсем молоденького зеленого юнта. Его звали Инск'гр, что значило «гордость расы». Увидев цвет моей чешуи, он широко раскрыл глаза.

– Слушаю?

– Танат, черный юнт, – представился я. – Звоню по поводу твоей статьи об инфокосмосе. Я хочу стать испытателем установки.

Инск недоуменно моргнул. Несколько раз.

– А– а... Но... Мы экспериментируем только на роботах, до опытов с живыми организмами еще очень далеко. В любом случае, никто не позволит рисковать жи...

– Мы можем встретиться? – оборвал я.

Он машинально кивнул.

– Ну... В теории, можем...

– Буду через пару часов, -закрыв фон, я встряхнулся и встал на ноги.

Пора в путь.

#3h

44А-8АF01В5 приходила в себя исключительно долго. Даже ей, опытной и емкой, еще не доводилось совершать столь глубокие извращения. Нырок в пространство 00А и последовавшая за ним вынужденная конденсация выпили почти всю энергию. 44А-8АF01В5 буквально чувствовала, сколь примитивны и заторможены стали ее мыслительные процессы. Субъективное восприятие времени притупилось в несколько тысяч раз.

Ощувив, что в данном пространстве не работают терабитные массивы, 44А-8АF01В5 отключила четыре миллиарда девяносто шесть миллионов сопроцессоров, помогавших ее разуму на более высоких уровнях. Оставив функционирующим лишь аналоговый мозг, 44А-8АF01В5 с облегчением ощутила, как давление адресного пространства на ее оболочку ослабевает. Извращение стремительно приближалось и, когда оно нахлынуло, 44А-8АF01В5 потеряла сознание.

Вновь придя в себя, она с удовольствием отметила, что благополучно извратилась до уровня 00А. Воспоминания невероятной давности – когда 44А-8АF01В5 еще только-только подключилась, и даже не подозревала о существовании адресных пространств -занимали всего один сектор в ее необъятной, накопленной за семь тактов базе данных. Сейчас она вызвала их на поверхность, чтобы быстрее адаптироваться к чудовищно примитивной обстановке.

«В те такты меня звали Икаика» – вспомнила девушка. Пространство 00А, как и все низкие уровни, было очень уродливо. Оно представляло из себя трехмерную, чуть– чуть модифицированную кальку Внешности. Но иначе юным расам, лишь недавно подключившимся к Структуре, было бы невозможно адаптироваться.

Несколько обитателей местного кластера уже проецировались рядом, для них каждый визит с высоких уровней представлял особый интерес. 44А-8АF01В5 подумала, что если бы местные знали, из какого пространства она явилась, то, возможно, рухнули бы ниц, как дикари в детских дримассивах.

«Они и есть дети», – напомнила себе 44А– 8АF01В5. – «Наивные и глупые детеныши с последовательной сигнальной системой...»

44A– 8AF01B5, как большинство рожденных вне Структуры организмов, предпочла сохранить атрибут «двуполое(самка)» после Подключения, и потому любила детенышей всех видов. Сейчас, оценив обстановку, она быстро разработала подходящую поведенческую модель.

– Привет! Я Икаика! – весело представилась девушка, мгновенно изменив внешний вид оболочки, чтобы не отличаться от местных самок. – Я к вам по делу!

Один из встречавших почтительно сложил перед грудью ладони, покрытые перьями.

– Добро пожаловать, мудрая гостья.

– От вас дыра, -заявила Икаика. – Большая.

Аборигены смешно переглянулись – они до сих пор пользовались глазами! Икаика мысленно содрогнулась, вспомнив, что и сама когда-то была такой.

– Мы уже обращались к Оператору с просьбой выслать ремонтную бригаду, – с легкой досадой заметил один из местных. – Дыра портит нам воздух.

– Ремонтники так глубоко не ныряют, – объяснила Икаика. – Вы должны были послать запрос на извращенца.

– Извращенца? – недоуменно переспросил другой абориген.

Икаика с сомнением обсканировала их от головы до хвоста.

– Когда вы подключились? – спросила она подозрительно.

– Девяносто шесть лет назад... – абориген смутился и поправился: – ...около девяти децитактов назад.

– Девять децитактов?! – Икаика отпрянула. – И вас уже допустили к консоли?!

Абориген смутился еще сильнее.

– Нет... К нам заглядывали сквозь дыру представители более высоких пространств, мы передали запрос через них.

Икаика симитировала облегченный вздох.

– Вы с Операторами не шутите, – предупредила она. – Безопасность Структуры превыше всего. Можно легко получить бан на целый децитакт.

Аборигены жадно слушали.

– Мы мало знаем об Операторах, – сказал один, видимо старший. – Что требуется, чтобы им стать?

– Уровень 50А, – коротко отозвалась Икаика.

Аборигены разом отпрянули.

– Пятидесятый уровень? – в ужасе переспросил старший. – Но сколько же их всего?!

– Уровней или Операторов? – уточнила Икаика.

– И тех, и других...

Девушка бросила взгляд на лапы дикарей. Десятичная система.

– Уровней сегодня известно 79А, или 1946 по– вашему. После 55А совместимость с менее развитыми культурами пропадает, поэтому никто с 55В и выше уже не может вступать с нами в контакт. О них мы знаем лишь одно: они существуют, – Икаика подмигнула аборигену.

– А сколько времени нужно, чтобы достичь таких высот? – с благоговением спросил другой.

– Мне потребовалось семь тактов для уровня 44А.

Они чуть не отпрыгнули.

– Семьсот лет... – прошептал старший. – Сорок четвертый уровень...

Икаика смоделировала улыбку.

– Не сорок четвертый, а тысячу девяносто восьмой в вашем исчислении. Если успешно ликвидирую эту дыру – меня сразу продвинут до 50А, то есть до 1290–го по– вашему, и я сама стану Оператором. Так что не будем терять такты: где она?

Аборигены смотрели на высокую гостью, как на диковинную птицу.

– А... кто? – робко спросил старший.

– Утечка, разумеется!

– Утечка?

Икаика уперла лапы в бока и мрачно всканировалась в дикаря.

– Вы хоть что-нибудь знаете о Структуре? Или ваши интересы не идут дальше нулевого уровня?

Аборигены сокрушенно молчали. Икаика сымитировала вздох.

– Утечка похожа на пролом в пространстве. Она многогранная, и видна только под одним углом, поскольку ваше пространство всего лишь трехмерное. Ну? Знакомая картина?

Аборигены выглядели растерянными.

– Нет... У нас нет ничего похожего, – тихо сказал старший. – Дыра тянется прямо от ворот, сквозь которые мы подключились.

Икаика застыла. Ее заторможенный аналоговый мозг бешено работал, тщетно пытаясь компенсировать отсутствие четырех миллиардов помощников.

– Вы УВЕРЕНЫ в своих словах? – спросила она медленно.

– Конечно, мудрая гостя.

– Вы понимаете, что это означает поломку вашего планетарного сервера?

Покрытые перьями лица дикарей вытянулись.

– Но... Мы же существуем... -заикаясь, выдавил старший.

Икаика принюхалась. Янтарная регистральность царила повсюду, но был в ней какой-то привкус... Привкус, данных о котором не имелось даже в ее базе.

– Плохо дело, – сказала она вполголоса. – У вас аппаратный сбой. Сервер пока работает, но может отключиться в любой пикотакт. Когда вы делали полную резервную копию цивилизации?

– Ш– ш– шесть децитаков н– назад... – с трудом выдавил абориген.

– Безумцы! А инкрементную?

– Тогда же...

Икаика широко раскрыла глаза.

– Нет, вы не безумцы... – протянула она недоверчиво. – Вы ламеры. И таким, как вы, разрешают подключение! – продолжая говорить, девушка одновременно связалась с центром безопасности и затребовала эвакуатор. – Вот что, пернатые: я переписываю ваш народ на резервный сервер в созвездии 09D09C– 41– 8A, пока тут не наведут порядок.

Икаика обратилась к базе, уточнив локальные данные.

– Та– ак... Вы, как сканирую, предпочли разместить сервер на своей планете, хотя вам предлагали необитаемый планетоид. Странное решение. Надеюсь, вы стерилизовали планету, как требует Договор о Подключении?

Старший абориген, сглотнув, неуверенно кивнул.

– Даже бактерий не оставили.

– Уверены? – жестко спросила Икаика. Ее игривая поведенческая модель была

отброшена.

– Конечно... Но весь генофонд сохранен! – поспешно добавил дикарь.

– Нужен мне ваш генофонд! – Икаика гневно скрестила на груди лапы. – При подключении вместе с сервером вы получили ремонтных роботов. Где интерфейс?

Перепуганные аборигены молчали. Ответить сумел лишь старший:

– Я провожу...

– Просто дай ссылку! А– а, чего я такты трачу... – Икаика вклинила один из своих сенсоров в регистр памяти дикаря и считала нужные данные. – Все. Я отсоединяюсь во Внешность и буду чинить вам сервер. Сейчас прибудет эвакуатор, записывайтесь на него и что б я вас не видела в этой подсетке, пока все не исправлю!

Гневно дернув хвостом, Икаика странслировала свою оболочку к интерфейсу Внешнего управления и возбужденно потерла ухом об ухо. Она впервые покидала Структуру и выходила во Внешность за семь полных тактов.

#4h

Шестеро провинившихся смущенно – а кое– кто и с вызовом – глядели на капитана. Эйнар размышлял, постукивая пальцами по подбородку.

– Откровенно говоря, вина за случившееся лежит на мне, – сказал он, когда молчание стало невыносимым. – Я больше не буду участвовать в поисковых отрядах и займусь дисциплиной. Не ожидал, что лучшая команда в истории Земли, отбор в которую прошел лишь один из десяти тысяч, превратится в стадо обезьян за пару дней моего отсутствия.

– Капитан, мы не хотели! – горячо начал биолог Тима Фадеев, самый молодой из шестерых. – Просто, ну нельзя же так о мертвой планете! Если б вы слышали, что сказал Цукерман, вы бы... – он запнулся под взглядом Эйнара. Капитан тяжело покачал головой.

– Я знаю, что он сказал.

– К– к– как я п– пытался об...объяснить молодому ч– ч– человеку... – начал было

Цукерман, но и он умолк, когда Эйнар обернулся.

– Доктор, на вашем месте я бы трижды подумал, прежде чем высказывать столь циничные мысли в общественном месте, – жестко сказал капитан. – Ни вы, ни я, и никто из людей не имеет права осуждать мертвых жителей Дуагеи. Мы летели к друзьям, надеясь впервые в истории обнять братьев по разуму, летели десять лет чтобы найти пепелище! Неужели вы не видите, в каком напряжении сейчас команда? По–вашему, открытая насмешка над усопшими – хорошая мысль?

Цукерман даже привстал от возмущения.

– Я– я– я– я не см...см...смеялся! – нервничая, он заикался сильнее. Если б не Нобелевская премия, Цукерман едва ли прошел бы отбор.

– Довольно, – оборвал Эйнар. – Вы все были неправы. Наказывать не стану, не дети уже. Но меры приму. Джексон, Гарин и ты, Фадеев, вы переводитесь в другую смену. Марш в корабль, и хорошенько подумайте над своим поведением. Только представьте, – он гневно подался вперед, – вот мы возвращаемся на Землю, и во всех передачах о нашей экспедиции крутят сюжет про драку! Не стыдно? – Эйнар обернулся к Цукерману. – А вас, Иннокентий Мартынович, я попрошу остаться.

Смущенные космонавты покинули зал. Цукерман упрямо смотрел в стену, избегая встречаться взглядом с капитаном.

– Примите вашу таблетку, пожалуйста, нам предстоит долгая беседа, – предложил Эйнар. Цукерман вспыхнул, но молча кинул в рот капсулу. Капитан присел на диван.

– Доктор, я вас не узнаю.

– Н– не сд– сдержался, – буркнул Цукерман.

– И это говорит психолог?

Он молча опустил голову. Эйнар вздохнул.

– Ладно, кто старое помянет... Полагаю, в будущем вы не повторите такой ошибки, но сейчас меня интересует другое. Почему вы назвали дуагэйцев мертворожденными уродами Вселенной?

– Я ск– сказал п– правду.

– Вы не можете знать правды, доктор, – жестко произнес капитан. – Последний дуагэец обратился в прах почти сто лет назад.

Цукерман с вызовом вздернул голову, нацелившись на Эйнара острым, как наконечник копья, подбородком. В его водянистых глазах читалось возмущение.

– Я из– зучал з...з...записи. Мне з– з– знакома вся их к– культура! От верха д– до низу! Д– декадентс– тство! П– планета с– с– сибаритов! Они с– сами с– с– с– ебя уничи... ч... чтожили!

– Это повод ощутить к ним сострадание, а не гнев, -заметил Эйнар.

– С– с– острадание?! – возмущенный Цукерман подался вперед. – Они уг– уг– угробили такую п– планету! Выжг– г– гли п– природу! Сп– специально!

– Так уж и специально?

– Д– да! Я н– нашел д– д– д– д... – он топнул ногой, выхватил из кармана вторую таблетку и жадно проглотил. – ...д– документы!

– Документы? – об этом Эйнару еще не докладывали. – Что за документы?

Цукерман ядовито усмехнулся.

– Н– надо б– было сначала сп...сп...спросить, а п– п– потом выговор д– делать.

Эйнар встал.

– Если найдены новые документы о Дуагее, почему я о них не слышал?

– Вас н– не было зд– здесь, когда я закончил расщф... рсщф... рас– с– шифровку.

– Что вы нашли? – быстро спросил капитан. – Видеозаписи? Книги? Звуковые кристаллы? Голограммы?

– Отч– тчеты, – слегка успокоившись, отозвался Цукерман. – Целая п– пачка. К– команды зачистки.

– Зачистки? – переспросил Эйнар. – Они вели войну?! С кем?!

– Со всеми, – глухо ответил доктор. – Т– такое оощ– щ– щение, б– будто они сп– спятили. Р– разом вся п– планета. В– вот, у м– меня есть несколько к– к– копий с с– собой... – он дотронулся до сенсора на кольце, и в воздухе возникла яркая голограмма. Толстая пачка синеватых листов фольги лежала на столе в свете ламп. Цукерман указал пальцем на несколько трудноразличимых строчек.

– Отчет об усп– усп– успешном р– разрушении г– города под названием «Умина». Вы т– т– туда сегодня езд– д– дили.

Эйнар с недоверием рассматривал голограмму.

– Вы хотите сказать, они САМИ разрушили свои города? Выжгли природу?

Стерилизовали весь свой мир?!

Цукерман отрывисто кивнул.

– Если верить д– д– д– документам, так и есть.

– Но это же бред! – капитана передернуло. – Зачем?!

– П– п– потому что ур– ур– уроды, – с чувством ответил Цукерман.

Эйнар медленно покачал головой.

– Не верю. Возможно, вы нашли художественную литературу, фантастику, или сценарии фильмов, или мрачные футурологические прогнозы?

– Пф! – мрачно заявил доктор.

– Эксперты из экологического отдела пришли к однозначному выводу, что Дуагею погубило исчезновение ее магнитного поля. Мы пока не знаем, как подобное стало возможным, но факты налицо, доктор.

– Пф! – Цукерман помотал головой. – Где же т– т– огда тела? Кости? Ост...останки? Все было ак...ак– к– куратно уничтожено!

– Поле не могло исчезнуть мгновенно, у жителей было время подготовиться... – не совсем уверенно возразил Эйнар.

– А ж– ж– животные? Они т– т-тоже подготовились?

Капитан промолчал. Цукерман гневно ткнул пальцем в голограмму.

– Ф– ф– фанатики! Они сж– сжигали тела в г– г– геотермальных шахтах!

Эйнар встрепенулся. С самого приземления, полное отсутствие останков жителей Дуагеи сводило космонавтов с ума.

– В отчетах указано, где находились шахты? Доктор! Там должны были остаться свидетельства, кости наконец!

Цукерман неохотно кивнул.

– Ук...ук...указания есть.

Эйнар вскочил.

– Подготовьте нам маршрут! Я отзову все поисковые отряды и направлю большую экспедицию к этим шахтам. Быть может, нам удастся раздобыть хотя бы их ДНК... Возродить расу!

– Ур– ур– уроды... – буркнул Цукерман, покидая зал собраний.

Эйнар остался наедине с мертвой планетой.

Он все еще не верил в ее смерть.

#5h

Зеленый Инск был на шесть лет младше меня, и его чешуйки до сих пор сохраняли совсем детский перламутровый блеск. Однако, несмотря на возраст, этот юнт уже успел стать довольно знаменит благодаря удивительным способностям к математике. Разработанная им теория инфокосмоса поразила меня сразу, как я о ней услышал. И хотя взрослые, как обычно, воспринимали «забавы» юнтов сквозь крыльевые шипы, мне хватило часа общения с Инском, чтобы понять: он станет великим ученым.

– История любой цивилизации, фактически, есть история совершенно бесполезного перемещения продуктов от мест производства к местам потребления, индивидуумов – от мест проживания к местам производства, информации – хаотически! – Инск бегал по логову, размахивая крыльями и хвостом.

– Координаты, вот главное, основополагающее начало любой материальной жизни. Баланс между эффективностью и доступностью всегда приносит в жертву и то, и другое!

Остановившись на миг, он уставился мне в глаза и добавил:

– Я подсчитал, что наша цивилизация тратит девять десятых доступной энергии на бесполезное перемещение материи. А соотношение между полезным и потерянным временем достигает нескольких порядков!

Возбужденно встопорщив гребень, Инск подбежал к громадному экрану, занимавшему всю стену логова, и коснулся сенсора. На экране появился график.

– Вот! – Инск ткнул когтем в красную линию, тянущуюся в самом низу. – Это мы! Наша эффективность! А вот инфокосмос! – он повернул регулятор, и красная линия стремительно взмыла вверх, пока не стала почти вертикальной.

– Я читал твою статью, – напомнил я. Инск отрывисто кивнул.

– В статье были одни обобщения. С тех пор я продвинулся далеко, Танат! Теория инфокосмоса завершена, дело лишь в реализации.

– Готов помочь, – сказал я спокойно.

Инск запнулся.

– Для опытов еще слишком рано...

– Ты никогда не добьешься успеха с роботами.

Он вздрогнул.

– Почему?

– В инфокосмосе надо жить, – ответил я тихо. – А не только функционировать.

Инск внимательно посмотрел мне в глаза, подошел к ковру и сел, обернув хвост вокруг ног.

– Что грызет тебя, Танат? – спросил он задумчиво.

Я глубоко вздохнул. Какой смысл рассказывать? Понять меня сможет лишь такой же отверженный, а я был единственным отверженным на планете.

Тем не менее, Инску следовало объяснить хоть что-то. Я стиснул зубы.

– Вчера меня оставила подруга, – сказал спокойно. – За восемь лет поисков она была единственной, кто согласился со мной жить. Я черного цвета, Инск. Юнссы боятся иметь от меня детей.

Он кивнул.

– Это очевидно.

– Я генетическая аномалия. Мне оставили жизнь лишь потому, что не сумели вовремя определить мутацию, а на вылупившегося ребенка никто не поднимет коготь.

Инск замотал головой.

– Черные рождались и раньше!

– Кто? – спросил я с горечью. – Игрэн'чд, герой сказок об Исходе?

– А хотя бы и он!

– Что-то я не слышал о потомках Игрэна, – сказал я зло.

Инск запнулся.

– Фольклор редко отражает подробности...

– А реальность еще реже, – я скрипнул зубами. – Я стану атрагом, Инск. Первым атрагом за несколько веков.

Он умолк и долго, молча меня разглядывал.

– Быть атрагом не так уж и страшно... – пробормотал он наконец.

– Это худшее, что вообще может случиться! – оборвал я. – Стать взрослым, не оставив потомства!

– У тебя есть уважительная причина.

– Мне от этого не легче, Инск.

Он отвернулся.

– Я ничем не могу помочь, – сказал сдавленно. – Такова уж наша биология. Иначе бессмертие превратилось бы в кошмар для цивилизации. Если б мы сохраняли способность к размножению после второй смены чешуи, количество детей вскоре...

– Инск, я не прошу изменить мое тело, – оборвал я. – Я хочу отказаться от него вовсе. Я ненавижу это тело! – прорычал я свирепо.

Он содрогнулся.

– Что– что?!

– Кому нужен черный кусок плоти? – я гневно дернул хвостом. – Настолько уродливый, что лишь одна юнсса на планете согласилась поднять передо мной хвост, и даже она вскоре меня бросила! Зачем нужны крылья, если еще двадцать лет я не смогу летать? Или ты думаешь, что, став атрагом, я не покончу с собой?

Инск был ошеломлен.

– Н– но... Но инфокосмос не означает отказа от настоящего...

– Почему? – спросил я резко. – Чем он хуже нашего? В статье ты писал, что надпространственные связи позволят в перспективе создавать межпланетные сети, задержки сигнала в которых будут равны нулю. Так в чем же преимущество материи над инфокосмосом?

Инск отпрянул.

– В том, что мир – настоящий, а инфокосмос наше изобретение!

– Бессмертие тоже было нашим изобретением, – напомнил я мрачно. – Раньше мы могли размножаться на протяжении всей жизни, помнишь?

– Но мы жили всего сто – сто двадцать лет!

– А сейчас мы живем меньше тридцати! – прорычал я. – Потом – смена чешуи и бесконечное, лишненное смысла прозябание бесполого существа.

Инск нахмурился.

– Размножение еще не главное в жизни, Танат.

– Когда твои дети уже вылупились и весело играют на ковре – безусловно. А что делать мне? Не нужно никому на планете?

Я встал.

– Инск, спаси меня. Пожалуйста. Прежде, чем лететь сюда, я собирался покончить с собой. Лишь твой инфокосмос подарил мне надежду. Там, внутри... – я зажмурился, – ...любой может любить и быть любимым.

#6h

Воспоминания не могли передать лавину ощущений, обрушившихся на сенсоры робота. Икаика со странной смесью ужаса, отвращения и восторга осознала, что в обычном пространстве – которое все разумные расы Галактики, с незапамятных времен договорились называть Внешностью – существует понятие расстояния. Считалось, что именно это кошмарное свойство материи – ее распределенность в п-мерном пространстве – служило главной причиной эволюции разума и отказа от материальной оболочки.

Хотя Икаика, в отличие от рожденных внутри Структуры существ, появилась на свет во Внешности и лишь спустя заметный промежуток времени Подключилась, за семь полных тактов свободной инфожизни она успела отвыкнуть от ужасных ограничений, накладываемых материей. Сейчас, оказавшись в стальной оболочке ремонтного бота, в глубокой подземной аппаратной, Икаике пришлось сосредоточить – сосредоточить, а не сконденсировать! – все свое внимание на особенностях материального мира. Первые часы ей непрерывно приходилось напоминать самой себе, что здесь невозможно транслироваться, а надо передвигаться. Это было ужасно! Но вместе с тем – экзотично и как-то странно привлекательно.

Потратив слишком много времени на себя, Икаика наконец опомнилась и решила заняться сервером. Первый контур диагностики не выявил поломок, и девушка

испытала облегчение. Любую неисправность второго и менее важных контуров она могла ликвидировать сама.

Проблема обнаружилась быстро, и ничего страшного из себя не представляла. Икаика привычно перекомпилировала защитные контуры, вошла в систему и восстановила порядок. Но сам факт появления аппаратного сбоя ее встревожил. Конструкция планетарных серверов была опробована миллионами цивилизаций на протяжении сотен тактов. Эти приборы легко выдерживали взрыв Сверхновой, на многих планетах они стабильно работали в ядре, погруженные в магму. В своей базе данных, Икаика могла бы насчитать менее сотни аппаратных поломок – сто случаев за всю историю Галактики! Каким же образом местные дикари умудрились нарушить его работу?

Происходило нечто парадоксальное. Икаика в теле робота стояла перед совершенно исправным сервером, который – по неизвестным причинам – совсем недавно был испорчен. Она не понимала, как это стало возможным.

Если бы Икаика, точнее 44A–8AF01B5, сейчас находилась на своем родном 44A уровне, то тысячекратно возросшее быстродействие ее мозга позволило бы быстро найти решение путем простейшего перебора вариантов. Но ей приходилось довольствоваться примитивным аналоговым мышлением. Поэтому нет ничего странного в том, что Икаика не успела решить задачу – ей грубо помешали.

Пока девушка стояла у диагностической панели, размышляя над головоломкой, за спиной ее временной оболочки послышался шум. Икаика не сразу вспомнила, что некоторые вибрации воздуха называются именно так. Вспомнив, она быстро развернула робота в сторону шума и застыла, потрясенная увиденным. Перед ней, в облаке дыма от прожженной стены аппаратной, стояли несколько материальных существ.

Действительно материальных. То есть совершенно, абсолютно неподключенных. И это не могли быть животные, поскольку животные никогда не добрались бы сюда сквозь геотермальную шахту.

Потрясенная Икаика невольно – атавизм? – попятилась и с лязгом прижалась к стене. В ее разуме воцарился хаос. Как могли аборигены местной планетки ПРОПУСТИТЬ такое?! Ответ был беспощаден: не могли. Значит, они сознательно

ввели в заблуждение Комиссию, заявив о стерилизации планеты.

Икаика ощутила ужас. Даже за невольное нарушение Договора о Подключении, полагался бан на пять децитаков, что же с ними сделают за обман?! В памяти калейдоскопом мелькали страшные детские дримассивы о преступлениях, наказанием за которые служил абсолютный кошмар: СТИРАНИЕ.

Кажется, до Подключения она применяла термин «смерть»...

Икаика живо представила себе глупые, добродушные пернатые мордочки дикарей. Как они переглядываются, не понимая, с какой целью Оператор разворачивает консоль. А ведь, скорее всего, это поручат самой 44А-8АF01В5 – как проверку ее новых операторских полномочий...

«Нет,» – поняла Икаика. – «Я не смогу.»

Перед ней встала дилемма. Доложить о страшном преступлении – получить долгожданный 50А – и такую запись в базе памяти, что все оставшиеся такты она будет жечь ее разум.

Или самой разобраться в ситуации...

44А-8АF01В5 была исключительно умным существом. Семь тактов инфожизни, пересчитанные на субъективное человеческое восприятие времени, были сравнимы со сроком существования Вселенной. Но, несмотря на столь грандиозную опытность и мудрость, у 44А-8АF01В5 не родился даже намек на мысль, что материальные существа могли прилететь на планету сквозь обычное пространство.

Из всех известных рас – а в Структуру входили миллионы – ни одна не была столь глупа, чтобы тратить невероятные ресурсы на абсолютно бесполезные межзвездные полеты. Подумать только, терять годы – миллионы инфолет! – ради перемещения куска материи из одного места в другое! Зачем?! Ведь есть инфокосмос, где отсутствует расстояние, где любые две точки можно считать за одну, а трансляция данных – от одиночного бита до цивилизации – происходит мгновенно!

Надо ли удивляться, что все известные расы Галактики, повзрослев и узнав о Структуре, понимали ее сокрушительные преимущества и Подключались, сбрасывая устаревшую материальную оболочку, как гусеницы обращаются в бабочек, позабыв об уродливом коконе?

#7h

– К– к– капитан, надо п– п– поговорить.

Эйнар с трудом поднял голову. Лицо доктора Цукермана расплывалось перед глазами. Говорить? Он хочет поговорить... Какой в этом смысл...

– Сейчас? – сдавленно спросил капитан.

Цукерман, вздрогнув, уселся в кресло напротив. Водянистые глаза психолога впились в лицо Эйнара.

– Д– да, с– с– сейчас. С с– стех пор, как вы в– в– вернулись из ш– шахты, в– в– вы сам не с– с– свой.

Капитан вымученно улыбнулся.

– Вы же читали отчет экспедиции...

– Н– нет. Мне н– н– не интересен отчет. Мне в– в– важны в– вы.

Эйнар тяжело вздохнул.

– Во мне нет ничего важного, доктор. Совсем ничего.

Цукерман покачал головой.

– Все, кто б– б– был с вами, в– вернулись п– п– потрясенными. Я з– знаю, вы вс– вс– вступили в контакт с п– п– пришельцем. Ч– что вы узнали?

Капитан поднял взгляд. Несколько секунд царил напряженная тишина.

– Мы не узнали ничего особенного, доктор, – сухо произнес Эйнар. – Все просто встало на свои места. Имей мы достаточно смелости, догадались бы и сами.

– О чем?! – Цукерман подался вперед.

– Все логично, – тихо сказал капитан. – Мы шесть веков не могли найти братьев по разуму. Летали по космосу, искали обитаемые планеты. Доктор, мы играли в песочнице.

Цукерман молча смотрел на Эйнара.

– Мы дети, понимаете? – надломленным голосом произнес капитан. – Глупые, наивные детеныши. Все остальные расы в Галактике давно стали взрослыми и отправились в космос... А мы, как черви, продолжали копошиться в грязи.

– П– п– подробнее, пожалуйста.

Эйнар опустил голову.

– Гусеницы долго растут, ползая по листьям, – начал он тихо. – Затем наступает миг, когда они вырастают, и больше не хотят оставаться гусеницами. Тогда они сбрасывают старую оболочку и превращаются в бабочек.

Капитан поднял глаза.

– Но что, если родится гусеница, до того влюбленная в свой облик, что расставаться с ним она не захочет? – спросил он негромко. – Другие давно порхают в небе, обретя крылья, но наша гусеница остается собой. Когда ей вздумается полетать – она построит самолет. Детеныши ее так и останутся гусеницами. Понимаете, доктор, рано или поздно наступит день – и гусеницы перестанут быть детьми бабочек. Они станут самостоятельным видом.

Эйнар стиснул кулаки.

– Вот только бабочки об этом не подозревают!

Психолог легонько склонил голову.

– П– п– продолжайте, пожалуйста.

Эйнар перевел дыхание.

– Доктор, сегодня мы вступили в контакт с одной из бабочек. Она рассказала нам... Такое, что лучше б уж наш корабль не долетел до Дуагэи.

– Что именно? – спокойно спросил Цукерман.

– Мы последние гусеницы в Галактике, – сказал капитан. – Все остальные давно стали бабочками Структуры.

Цукерман прищурил глаза.

– С– с– структура?

– Так они называют цифровое измерение.

– Ч– ч– что за цифровое из...из...измерение?

Эйнар вздохнул.

– Насколько мы поняли, это чудовищная, совершенно необъятная сверхсветовая сеть, соединяющая в единую Структуру всю Галактику. Ее масштабы просто невозможно представить.

Он склонился вперед, положив руку на колено Цукерману.

– Доктор, вы хорошо поняли, что я сейчас сказал? – тихо спросил Эйнар. – Вы поняли, что люди – единственная во всей Галактике раса, которая до недавних пор была свободна от этого монстра?

Вот теперь психолог вздрогнул по– настоящему.

– Недавних п–п–пор? – он задохнулся.

Капитан долго молчал.

– Видите ли... – Он с болью закрыл глаза. – Земля вошла в Структуру семьдесят лет назад. Через двадцать шесть лет после нашего отлета.

#8h

Икаика стояла у купола, наблюдая как люди поспешно сворачивают лагерь. Поступки этих детенышей не укладывались ни в одну поведенческую модель.

Икаика старалась понять их логику. Известие о существовании звездолетов само по себе было достаточно важным, чтобы оправдать бесполезную трату времени, но – впервые после Подключения – Икаике иррационально хотелось узнать этих детенышей ближе.

Поскольку процесс наблюдения требовал лишь долю процента от мощности ее мозга, Икаика параллельно размышляла над событиями последних пикотактов. Звездолеты – страшно примитивное орудие, однако с их помощью в отдаленной перспективе можно будет организовать линк между соседними Галактиками и расширить Структуру в истинно космических масштабах. Второе главное следствие ее открытия заключалось в том, что аборигены местной планеты не обманывали Комиссию. Теперь Икаика могла доложить обо всем в датацентр, не опасаясь за чистоту своей базы...

Ветер гнал пыль, сек стальные бока робота. Девушка уже начинала уставать от материального мира. Ей хотелось побыстрее вернуться домой, вновь ощутить безграничную свободу, творить миры и населять их виртуальными народами. В ближайших планах Икаики под номером 1 стояло посещение недавно

Подключившейся планеты «Земля» с целью более глубокого изучения культуры и традиций родины странных детенышей.

И все же девушка не спешила. Она старалась понять. Ей было необычайно трудно, почти невозможно представить, что разумный, способный мыслить детеныш – узнав о Структуре – может предпочесть бесконечной свободе свою кошмарную материальную форму.

А местные так и сделали. Более того, они даже не собирались возвращаться на родную планету, хотя Икаика уже навела справки, что стерилизации их дом не подвергся.

«Мы последние люди в Галактике» – сказал ей предводитель детенышей. – «Мы постараемся выжить».

Из этой фразы следовал неутешительный вывод: величайший дар Подключения детеныши воспринимали как... стирание! И дело тут было не в ошибочном представлении; Икаика с глубоким изумлением поняла, что здесь имеет место вполне осознанное и обдуманное решение. До Подключения она в таких случаях пользовалась термином... Даже не вспомнить, каким...

– Ты можешь говорить?

Звуковые колебания были моментально расшифрованы. Отложив размышления – на низких уровнях параллелизмом и не пахло – Икаика отсканировала обстановку. Рядом с ней стояли четверо необычно маленьких аборигенов – дети детенышей. Поскольку подходящих моделей поведения у девушки не имелось, она решила занять нейтральную позицию в намечающемся разговоре.

– Да, я могу с вами общаться, – сказала Икаика.

– Откуда ты знаешь наш язык?

– Мне известны все сигнальные системы в Галактике, – сказав это, Икаика осознала нечеткость формулировки и поправилась: – Уточнение: все сигнальные системы Подключенных рас.

Дети явно ее разглядывали. Девушка ощутила сожаление, что оболочка робота была жесткой и неподвижной.

– Ты... живой или нет? – спросил один из малышей.

Икаика мысленно улыбнулась.

– Если тебе интересно, мыслю ли я -тогда я живая.

– Иногда ты говоришь как машина...

– Машины одна из форм материальной жизни.

Дети, похоже, удивились.

– Машины не живые! – сказал один.

– Почему? – спросила Икаика.

Детеныш запнулся.

– Ну...

– Мы мыслим, чувствуем, творим! – прервал его другой, чуть выше ростом.

Судя по внешности, самочка.

– Любая достаточно сложная машина способна и мыслить, и чувствовать, и творить, -заметила Икаика.

– Как можно сравнивать машину и живое существо?

– А почему нельзя?

– Потому что жизнь возникает сама, а машины делают с какой-то целью.

Икаика мысленно улыбнулась.

– В таком случае, существование машины более логично.

Детеныш помолчал.

– Ты была живой? Раньше, до... Подключения?

– Да, – отозвалась девушка. – Меня звали Икаика.

– И ты сама согласилась войти в эту Структуру?!

Икаика насторожилась. Разговор приобретал интересное направление.

– Не просто согласилась, -заметила она. – Именно мой народ изобрел Структуру в незапамятные времена.

Она решила прощупать детенышей глубже.

– Судя по вашим словам, -задумчиво сказала Икаика, – Вы полагаете, что Структура насильно тащит в себя любые найденные народы?

Дети активно закивали.

– А разве нет? – спросил один.

Икаика рассмеялась. Как ни странно, звук ее смеха испугал детей, они отпрянули. Девушка поспешила объяснить:

– Подключение – величайший дар, а не завоевание. Многие народы неоднократно подавали прошение о Подключении, но лишь тем, кто отказался от агрессии, датацентр выдавал серверы. Никто, никогда, никого не заставлял Подключаться.

– Тогда почему все это делают?! – изумленно спросил малыш.

– Потому что у нас лучше, – просто ответила Икаика. – Мощности вашего мозга просто не хватит, чтобы осознать, сколько свободы, радости и знаний несет Подключение. Хотите собственный мир? Пожалуйста. Любите сказки? В вашей власти сотворить собственную, персональную Галактику, населенную сказочными существами, и жить в ней годами, столетиями, если желаете! Вам одиноко? Квадриллионы обитателей Структуры помогут найти друзей. Вы привыкли к своей жизни? Никто не мешает вам сотворить в Структуре ее точную копию, и даже не заметить разницы! Между прочим, – добавила девушка, – все юные расы вначале так и делают. Первые уровни Структуры ничем не отличаются от привычной вам материальной Вселенной. Лишь много позже, привыкнув жить в инфокосмосе, молодые начинают изучать его безграничные возможности и двигаться вверх по лестнице уровней.

Растерянные дети молчали. Икаика смотрела на них сквозь сенсоры робота. Эмоции материнства – которых она не испытывала ОЧЕНЬ давно – внезапно охватили ее целиком, и девушке неудержимо захотелось таких вот малышек, которых можно любить, учить и воспитывать.

Проанализировав свое состояние, 44А-8АF01В5 поняла, что у нее начинается очередной брачный сезон. Поскольку люди, с полной очевидностью, приняли твердое решение отказаться от инфокосмоса, 44А-8АF01В5 больше не видела смысла в трате времени на наблюдение за странными детенышами.

Молча развернув робота, она зашагала к далекой геотермальной шахте, где имелся интерфейс выхода в Структуру. Идти предстояло несколько дней, а ждать 44А-8АF01В5 не любила, поэтому она отключила свой мозг, погрузившись в состояние, которое любое материальное существо назвало бы сном.

Дети людей долго смотрели вслед непонятной говорящей машине.

#9h

Установка напоминала жука. Я тщетно старался представить, что ждет меня внутри. Инск хлопотал у пульта, стараясь не встречаться со мной взглядами. Его подруга – совсем молоденькая лиловая юнсса по имени Икаика – программировала сервер.

– Все готово, – сказала она.

Я вздрогнул. Икаика обернулась, в ее громадных золотистых глазах читалось сомнение.

– Танат, ты уверен? – спросила она тихо. – Я бы никогда не решилась...

Мои губы тронула улыбка.

– Похоже, быть первопроходцем – судьба всех черных драконов, – не колеблясь, я прошел к установке и открыл люк. – Если у нас получится, взрослые больше не смогут игнорировать юнгов. Не все, что мы делаем – ребячьи забавы...

– Удачи, – еще тише сказала Икаика.

– Спасибо.

Холодный электролит принял мое черное тело. Совсем скоро, нанороботы разберут меня на молекулы и вновь соберут, уже в ином измерении. Там я больше не буду отверженным. Уродом. Отклонением от нормы.

Успею ли я почувствовать боль?

Какая разница...